

Университетский человек

Продолжение. Начало в № 1

Раньше в университетах преподавали геоботанику (флористику), этот предмет Михаил Семенович предлагает заменить более прогрессивной наукой — экологической географией растений, преподавать которую следует с учетом тесной взаимосвязи анатомического строения растений, их физиологических и морфологических особенностей с окружающей средой.

Юрьевские профессора сначала считают, что эвакуация в Воронеж — это дело временное, после окончания войны можно будет вернуться обратно в Эстонию. А пока 12 ноября 1918 г. в Воронежском университете начинаются занятия. Газета «Известия Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов» писала: «Приветствуем ... рассадник высшей науки — с началом занятий».

Но профессор М.С. Цвет приступить к чтению лекций не может.

Много воспоминаний

Улица Халютинская. Здесь, во флигеле двухэтажного дома, который принадлежал преподавателю Зооветеринарного института, основателю первой в России земской четырехклассной ветеринарно-фельдшерской школы, впоследствии профессору ВГУ А.И. Верекину, поселились супруги Цвет. Вот как пишет об этом Е.М. Сенченкова:

«В устройстве и размещении прибывших (сотрудников и студентов университета. — М.Ш.) приняли участие не только представители губисполкома, но и местная интеллигенция. Преподаватель Зооветеринарного института, а затем профессор ВГУ Алексей Иванович Верекин предложил приезжим небольшую комнату во флигеле его двухэтажного дома № 20 по Халютинской (ныне Батуриной) улице, в которой и поселились Цвет и его жена. Приветливый и сердечный хозяин, его жена и дочь старались по возможности помочь им в устройстве на новом месте. Простая железная кровать, покрытая серым солдатским суконным одеялом, стол, стул, этажерка с книгами да шкаф — вот все, что могли они предложить приехавшим налегке супругам. Верекин стал почти единственным собеседником Цвета.

Нелегкий многодневный переезд из Юрьева, продовольственные трудности и отсутствие должной медицинской помощи (и это при наличии в университете медицинского факультета! — М.Ш.) заметно сказались на ухудшении здоровья Цвета. Положение осложнялось тем, что его место жительства оказалось очень далеким от университета и не связанным никаким видом транспорта. Сердечная слабость не позволяла Цвету идти пешком через весь город, и он вынужден был иногда не являться даже на заседания университетского Совета. Так, 4 октября 1918 г., когда Совет профессоров должен был избрать проректора (им стал К.К. Сент-Илер), Цвет официально передал свое право голосования профессору зоологии И.И. Шмальгаузену, одному из немногих, с кем он поддерживал в Воронеже наиболее тесные дружеские отношения.

Болезнь, лишения и жизненные невзгоды сделали ученого молчаливым, грустным и задумчивым. Цвет не стремился общаться с соседями и привлекать к себе внимание, а держался скромно и уединенно. Иногда его видели сидящим у окна, выходящего в сад. С приближением зимы все меньше и меньше света проникало в скромное жилище ученого. Любимым местом Цвета стала беседка в саду, где он часто сидел, задумавшись, один или беседа с Верекиным. Немало путешествовавший и прошедший пешком по лесам, степям и

ТОЛЧЁНЫЙ МЕЛ
ПРОФЕССОРА ЦВЕТА

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

горам, Цвет мог теперь совершать лишь короткие прогулки в сторону обрыва реки Воронеж. Тропинка от дома к реке круто обрывалась у берега, и с высоты открывался завораживающий вид бескрайних заречных просторов, любоваться которыми Цвет мог часами.

Многое из сказанного здесь нам стало известно от А.Н. Грудевой, до сих пор (имеется в виду первая половина 1970-х гг. — М.Ш.) проживающей в доме, принадлежавшем Верекину. Скромная и застенчивая девушка, она почти ежедневно приходила тогда во флигель — молча прибирала его комнаты и топила печь. Иногда Цвет обращался к ней с вопросом или с просьбой.

Грудевой запомнились вежливость, предупредительность и сдержанность его обращения не только с ней, но и со всеми окружающими. Одевался Цвет всегда чисто и аккуратно, но девочке казалось, что его одежда — с чужого плеча, так она была ему свободна из-за его истощенности».

Что ж, в эвакуации то ли еще бывает! Однако: что означает это «очень далекое место жительства» от университета? И еще вот это: «Пешком через весь город...» Зачем же идти через весь

Вот что писал 14 апреля 1919 г. сам профессор Цвет:

«Суть в том, что, страдая серьезным пороком сердца, я не могу много и долго ходить. Вынужденный условиями жилищного кризиса жить вдали от университета, я был, следовательно, отрезан от него, ввиду отсутствия трамвая и извозчиков... За неимением другого свободного помещения я мог бы поселиться временно при заведомом мною Ботаническом институте, где при достаточно обширном помещении могли быть выделены безо всякого ущерба для лаборатории под мое жилище две совершенно изолированные, с отдельным ходом, маленькие комнатки, ...но видя, что время уходит, решил исплопотать пока что пользование казенной лошадкой. Получив согласие Правления (8 апреля), я на следующий же день, 9-го, начал чтение лекций».

Вдумайтесь в это! Профессор Цвет не привык жаловаться. И в самом деле, уныние — это грех. Но получается так, что вследствие жилищного кризиса больной и голодный профессор живет внизу, под горой, на которую он не в силах подняться, а вопрос можно было решить очень просто — получить раз-

вступительные экзамены строжайше запрещены большевиками, и в университет принимают всех желающих. Даже малограмотных! На первый курс теперь поступают, так сказать, явочным порядком. Права неграмотных «абитуриентов» теперь защищены специальным декретом, за нарушение его предписаний «все ответственные лица подлежат суду революционного трибунала», а самым популярным приговором в то время был, как известно, расстрел... Подписал Декрет лично председатель Совнаркома В.И. Ульянов-Ленин, тот самый, который в 1920 г. восхищался общественной деятельностью профессора Тимирязева!

Что ж, времена были суровыми. Раз профессор Цвет, страдающий нервным истощением и пороком сердца, не может дойти до «рассадника высшей науки», то и продуктового пайка ему, как нетрудовому элементу, теперь не положено. Неявка на работу повлекла за собой лишение заработной платы.

ВГУ в те годы

город? Университет размещался на улице Петровской (впоследствии Университетской, сейчас — Феокистова). Для здорового человека хорошим шагом это — полчаса ходу.

Не знаю, какой «вид транспорта» ожидала здесь найти в 1919 г. исследовательница — уж не троллейбус ли? До революции здесь ходила конка, это такой однокогонный трамвай на конной тяге. Но теперь, действительно, какая уж там конка...

Профессор Цвет жил тихо, «скромно и уединенно». Скромным человеком он был всегда... А что касается его уединенной жизни, то я сильно подозреваю, что причиной этого не в последнюю очередь был голод! Это был голод в самом вульгарном его проявлении — то, что супругам Цвет в Воронеже иногда было попросту нечего есть, это факт в научном мире хорошо известный... Вот поэтому одежда и висела на Михаиле Семеновиче, как на вешалке, — уже немолодого человека, страдающего пороком сердца, лишили нормального питания.

решение занять те самые «две маленькие комнатки». Не велика беда — жить при лаборатории: как мы помним, иметь квартиру прямо на рабочем месте М.С. Цвету было не привыкать.

Совершенно очевидно, что М.С. Цвет ходить по кабинетам и просить попросту не умел. Слишком благородный был человек. Но как могло Правление университета во главе с ректором В.Э. Регелем не позаботиться о больном товарище — это, конечно, вопрос.

И более того. Еще 7 октября профессор Цвет представил докладную записку об организации в Воронежском университете кафедры ботаники. Заодно он просил разрешения поселиться в университете, где-нибудь при лаборатории, возможно, в тех самых «двух маленьких комнатках». (Отсутствие комфорта — дело привычное!) Профессору Цвету было отказано.

...А университет живет веселой жизнью. Юрьевцы ходят по городу в старой форме, всюю кипят митинги и диспуты. Плата за обучение отменена,

Скажем спасибо Правлению университета, а также кучеру и казенной лошадке, которые 9 апреля приехали за профессором Цветом. Но вот что нехорошо: к занятиям он приступает, еще не вылечившись. Лекции читает сидя, тяжело дыша.

Вспоминает биолог В.И. Бухалова: «Кафедры физиологии и ботаники помещались в одном здании, у нас была общая аудитория. Запомнилось, что профессор Цвет читал лекции, сидя за столиком, его умное лицо с резкими чертами поражаало своей бледностью, при разговоре он задыхался, грудь вздымалась от тяжелых толчков сердца».

Жалел ли профессор Цвет о том, что не вернулся в Европу? Кто знает... Он хотел жить в России и работать для России — здесь сначала поставили под сомнение его докторскую степень, потом высмеяли и под конец — заморили голодом.

Как бы то ни было, никакие объяснения и отговорки вины с ректората ВГУ тех лет не снимают.

Продолжение следует